

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ АХМЕДА ЦАЛИКОВА «БРАТ НА БРАТА»

Мусаидова Д.О.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия, (362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46), e-mail: alonim2012@yandex.ru

В статье «Фольклорные мотивы в романе А. Цаликова “Брат на брата”» анализируется обширный народно-поэтический материал, содержащийся в романе, в котором пословицы, поговорки, легенды исследуются в тесной связи с характеристикой действующих лиц и являются важным характерологическим средством. Кроме того, доказано, что фольклорные элементы настолько глубоко вошли в художественную ткань романа, что, по мнению автора, играют важную роль в композиции произведения, раскрывая особенности художественного метода писателя и отражая национальную картину мира осетинского народа. Автор подчёркивает незаурядное мастерство писателя в использовании фольклорных элементов в отражении сложнейших процессов, происходивших в Осетии в период гражданской войны. Внимание к фольклору неслучайно: он служит воссозданием той атмосферы, в которой действуют персонажи. В статье обращено внимание на то, что писателю дороги здоровые, традиционные начала жизненного уклада горцев.

Ключевые слова: эмиграция, духовные ценности, мотив, фольклор, нравоучительная нагрузка, текст, мифологичность, иносказательность образа, конфликт, легенда, миф, характеристика, красноречие, метафорический оборот, условная речь.

FOLKLORE MOTIVES IN THE NOVEL AHMED TSALIKOV "THE BROTHER ON THE BROTHER"

Musaidova D.O.

FGBOU VPO "North-Ossetian state University named after K. L. Khetagurov", Vladikavkaz, Russia, (362025, RNO-Alania, Vladikavkaz, Vatutina street 46), e-mail: alonim2012@yandex.ru

In article "Folklore motives in A. Tsalikov's novel "The brother on the brother" is analyzed the extensive is national – the poetic material containing in the novel, in which proverbs. Sayings, legends are investigated in close connection with the characteristic of characters and are important characterologic means. Besides, it is proved that folklore elements so deeply entered art fabric of the novel that, according to the author, play an important role in work composition, opening features of an art method of the writer and reflecting a national picture of the world of the Ossetian people.

Keywords: emigration, cultural wealth, motive, folklore, moralizing loading, text, mifologichnost, allegorical meaning of an image, conflict, legend, myth, characteristic, eloquence, metaphorical turn, conditional speech.

Имя осетинского писателя Ахмеда Цаликова совсем мало известно современному читателю [7]. Находясь в эмиграции после Октябрьской революции, он публиковал свои произведения в зарубежных изданиях, которые были запрещены в Советской России, а затем и в Советском Союзе. Поэтому читатель смог познакомиться с его произведениями лишь после произошедших в 90-е годы изменений. Наиболее важным его произведением является роман «Брат на брата», в котором автор изобразил широкую панораму осетинской жизни в период гражданской войны.

Роман «Брат на брата» – произведение понятное и близкое осетинскому народу, потому что Ахмед Цаликов обращается в нем к духовным ценностям, созданным самим осетинским народом, т.е. к фольклору. В речи персонажей часто встречаются пословицы и поговорки [1, с.19; 3, с.19; 4, с. 26; 5, с. 16]. Например: «Красивы снега наших гор, но только

жгут они ступни ног холодом» [8, 290]; «Веревки во всю длину не хватало, так ее еще вдвое сложили» [8, с.292]; «Маленькая быстрая речушка не догоняет большой реки» [8, с.307]; «По длине кровати протягивают ножки» [8, с.361]; Знай свое стойло [8, с.361]; «Собака, когда покидает свою конуру, то ее съедают волки...» [8, с.361]; «Когда смерть приближается к муравью, то у него отрастают крылья» [8,с.361]; «Бедный родственник лучше богатого приятеля» (с.366); «Кровь смывается кровью» [8, с.404]; «Паршивая собака хватается за пятку» [8, с.404].

Активно используют персонажи романа в своей речи проклятия: «Да разорвутся ваши кишки» [8, с.308]; «Да съест тебя болезнь желудка» [8, с.368]; «По ослиной ноге да будет засунуто за пояс ваших матерей» [с.397].

Значительное место в романе занимают осетинские народные сказания, легенды, органично вычлняющиеся в текст и несущие нравоучительную нагрузку. Так, увидев отряд русских красноармейцев с несколькими осетинами-корменистами, Алибек вспоминает осетинский народный нравоучительный сказ: «Собрались однажды деревья в лесу и держат совет. Как им быть с врагом – железным топором. Рубит он их да и рубит. Скоро уж от леса ничего не останется. Машут ветвями деревья, да изрыгают проклятья: «Этот железный топор – убийца, да будь он проклят!...» И говорит им дуб: «О, глупые... Зачем клянете вы железо топора... Ведь это железо подымается и опускается потому только, что в нем есть топорище. А топорище-то ведь наш брат...» [8, с.401]. В этой прозрачной аллюзии роль топорища отведена осетинам-корменистам. В легенде, рассказанной стариком Дрисом, повествуется о причине междоусобной брани на Кавказе: «- Было это давным-давно, и счет годам прошел. Когда-то и где-то в Азии народ наш осетинский имел свое царство. И царем был старик. А у старика был сын. И восстал сын против отца. И началась между ними война. Долго они воевали друг с другом. Перебили много народа. Разорили много городов и сел. Наконец отец победил сына. Сын вместе со своими сторонниками бежал на Кавказ. Но отец, видя, сколько зла наделал сын, - проклял его вместе со всеми теми, кто бежал с ним. И проклятие царя-старика было таково: «Да будет вечная междоусобная брань в потомстве вашем, из рода в род! Да не будет у вас никогда единого языка! Да восстанет брат на брата, сын на отца!». И постигло нас это отцовское проклятье... Постигло...» [8,с.323]. Из приведенной легенды следует то, что мировосприятие Дриса характеризуется мифологичностью. Он не способен установить истинные причины частых конфликтов на Кавказе и безоговорочно верит в рассказанную легенду. Слово воспринимается им как миф: «В мифе образ и значение различны, иносказательность образа существует, но самим субъектом не сознается, образ целиком... переносится в значение», – отмечал А.А. Потебня [6, с.432]. С Дрисом полностью согласен и Тотрадз: «...- Это начало светопреставления... Мир потрясен в своих основах.

Все рушится: обычаи, религия, нравственность, искренность и послушание молодежи, гостеприимство, уважение к старости» [8,с.324]. Все эти объяснения причин вражды на Кавказе отрицаются рационально мыслящим повествователем. Это отрицание выражается в словах: «Я бросаю бесполезный разговор и начинаю рассматривать окопы, возведенные по всем правилам военного искусства на окраине аула Цехтырс» [8, с.324]. Позиция повествователя в целом противопоставлена позиции персонажей. Причину конфликта между осетинами-мусульманами и осетинами-христианами он видит не в божественных проклятиях, а в совершившейся революции, поскольку, по словам Н.А. Бердяева, «всякая революция – беда, смута, неудача. Удачных революций не бывает. Ответственность за революцию несут и те, кто ее совершил, и те, кто ее допустил. Успех революции и ее подавление одинаковы по последствиям: упадок хозяйства и одичание нравов. В стихии революции нет места для личности, в ней господствуют начала безличные, это стихийное бедствие, как эпидемия и пожар» [2, с.8].

В сказании о дигорцах повествуется о их хитрости. Данную легенду рассказывает учитель из Зулджина, высмеивающий керменистов, использующих для названия своей партии имя легендарного осетинского борца за справедливость Чермена: «Вышел в поле дигорец косить траву, Ан и черт тут поодаль. Смотрит, как дигорец косит. Сделал себе деревянную косу и тоже косит. Тогда дигорец сорвал несколько лоз и крепко перевязал себе ноги и продолжает косить. Смотрит – и черт сорвал лозы и тоже перевязал себе ноги. Дигорец быстро перерезает косой лозы, которыми связаны его ноги, и кидается к черту. Черт пытается тоже перерезать свои лозы деревянной косой, но ничего не выходит. Хочет бежать, но дигорец его ловит. И стал черт батраком дигорца. Так если дигорцы черта надули, почему же им не надуть осетинский народ?» [8, с.341] Тот же учитель рассказывает Алибеку и легенду о Чермене, именем которого дигорцы назвали свою партию: «Жил когда-то крепостной одной родовитой осетинской семьи по имени Чермен, и обидели его. Однажды во время его отсутствия, члены его рода поделили между собой землю. Но о Чермене забыли. Ни одного кусочка земли не выделили ему. Возвращается Чермен домой и застаёт мать в слезах. Чермен спрашивает мать, чего она плачет. Мать и говорит, что вот, мол, разделили землю, а им ничего не дали. Как они теперь будут жить без земли? Чермен успокаивает мать, просит не горевать, так как землю он раздобудет. Наступает время пахоты. Члены рода запахали землю. Каждый свой кусок. Пошел Чермен в поле, облюбовал себе участок. Запряг в плуг волов и перепахал поперек тот участок, который облюбовал. Вот и началась тут у Чермена борьба за землю с обидчиками. Ничего не могут сделать с Черменом. Он убивает одного, другого, третьего. И члены рода пускаются на хитрость. Мирятся с Черменом и ждут удобного случая. Едут однажды вместе с Черменом в набег, в Кабарду.

Останавливаются. Предлагают Чермену взобраться на дерево и обозреть местность. Оставляет Чермен оружие под деревом, а сам лезет вверх. Тут и убивают его. Народ сложил песню в память Чермена. Его именем и воспользовались несколько молодых дигорцев и создали партию «Кермен» [8, с.341-342].

Примечательно также народное осетинское сказание о двух пастухах, рассказанное Алибеку родственником Хаджи-Омаром [8, с.352-353].

Характеризуя застольный осетинский этикет, автор с сожалением замечает: «Хочется как можно скорей покинуть этот стол и бежать прочь, чтобы стряхнуть с души давящий камень – море слов обычного горского трафарета, за которым не осталось живой души» [8, с.351].

Романтично описана в романе джигитовка и воспоминания старого Хаджи. Столь же романтичны высокопарные речи горцев, съехавшихся на съезд к кургану «Келемет» для разрешения вопроса о мире. Вот образец восточного красноречия ингушского кадия: «- Сюда, к подножию этого кургана, воздвигнутого над останками героя Келемета, слетелись вы, горные орлы, для того, чтобы раз и навсегда прекратить братоубийство и, подав друг другу руки, клятвой закрепить вашу дружбу и взаимную любовь... и да будет этот час в сердце каждого из вас часом величайшей радости. Ваши старейшие сейчас от вашего имени дали друг другу торжественную клятву верности и братства. Вам же дарует Творец неба и земли столько сил и умения, чтобы до великого суда Аллаха вы с честью донесли бы верность и нерушимость ее...» [8, с.389]. Эти строки хорошо характеризуют строй души кадия, который передает свои переживания в романтической форме и потому склонен к подчеркнута поэтической, условной речи, синтаксически усложненной и изобилующей метафорическими оборотами.

Не менее высокопарна и речь Темболата: «- Братство и любовь да будут отныне среди вас, храброе юношество! Да живут в ваших сердцах три начала, на которых зиждется мир: великий Аллах, святая родина и душевная чистота. Я слишком ничтожен, чтобы своими красноречивыми устами суметь отблагодарить вас, прибывших из далеких углов нашей родины Кавказа для водворения мира и любви в семье осетина» [8, с.389]. В приведенном примере типичной чертой восточной речи является самоуничижение говорящего.

То же самоуничижение и метафоричность мы наблюдаем и в речи старика-осетина, выступающего у мечети на сходе в родном ауле Алибека: «- Старшие, убеленные сединами прожитых лет, да простят мне за то, что я в их присутствии дерзаю шевелить устами, младшие же пусть превратятся в слух и внимание и зарубят в юных сердцах своих те слова, кои буду произносить я, худший из тех, кто носит на своих плечах имя горца Кавказа, – отчеканивая каждое слово говорит старик, держась за эфес шашки с неуловимым

изяществом природного воина. – С тех пор, как враг разрушил наши орлиные гнезда и заставил нас, бессловесных овец, скитаться по родной земле, я у себя же на родине вот уже шестой десяток ищущу родину и, увы, найти ее не могу» [8, с.296].

Итак, Ахмед Цаликов в анализируемом романе ярко и широко отразил жизнь и быт осетинского народа. Романтическая приподнятость романа сочетается с пристальным вниманием автора к быту, в котором действуют его герои. Однако изображение быта не становится у Ахмеда Цаликова самоцелью, а служит наиболее адекватному изображению героев и персонажей, воссозданию той атмосферы, в которой они действуют.

Итак, анализируемый социально-психологический роман Ахмеда Цаликова содержит обширный народно-поэтический материал, при анализе которого раскрываются особенности художественного мастерства писателя. Фольклорные мотивы служат наиболее яркому изображению героев и персонажей, воссозданию той атмосферы, в которой они действуют.

В свое время Н.Г. Чернышевский справедливо заметил, что человека формирует среда, в которой он оказывается. И именно в изображении этой среды, уклада осетинской жизни Ахмед Цаликов достиг значительной выразительности.

Список литературы

1. Бекоев В.И. Народная поэзия в системе традиционной культуры осетин. – автореф. дис... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2010. – С.19.
2. Бердяев Н.А. Сочинения. – М.: Раритет, 1994. – С.8.
3. Бочина Т.Г. Пословица и языковая модель мира, или Почему «Работа не волк, в лес не убежит» // Русский язык в школе. – 2003. – № 5. – С.19.
4. Брысина Е.В. Народный мир в зеркале сравнения // Русский язык в школе. – 2004. – № 1. – С.26.
5. Виньков Ю.В. Пословицы как средство развития речи // Русский язык в школе. – 2005. – № 2. – С.16.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С.432.
7. Салагаева З.М. Ахмед Цаликов // Ахмед Цаликов. Избранное. – Владикавказ: Изд-во Ир, 2002. – С.415-502.
8. Цаликов Ахмед. Избранное. – Владикавказ: Изд-во Ир, 2002. – С.252.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. А.В. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-

Алания, г. Владикавказ;

Кунавин Б.В., д.фил.н., профессор Северо-Осетинского государственного университета им.

К.Л.Хетагурова, г. Владикавказ.